

художника. В отечественном литературоведении, начиная с работ А.Н. Веселовского, В.Я. Проппа, фольклоризм понимается как явление более многоаспектное и многоплановое, чем системное единство фольклорных текстов и обрядов, пролонгируясь в область основ словесного творчества и собственно художественного мышления. Генетически преемственная триада: миф – фольклор – литература, разработанная в отечественной и мировой фольклористике, выступает методологической основой для раскодирования основ художественной образности, не сводясь исключительно к определению фольклорного прототекста как источника того или иного произведения художественной литературы. Палеонтологический метод В.Я. Проппа, принцип мифореставрации С.М. Телегина, равно, как исследования сторонников ритуально-мифологической школы Дж. Кэмпбелла, М. Бодкин, Н. Фрая способствовали формированию положения о неотчуждаемости фольклорно-обрядовых моделей порождения художественных смыслов в творчестве писателей Нового времени. В монографии А.Ф. Косарева «Философия мифа. Мифология и ее эвристическая значимость» (М.: «Университетская книга, ПЭР СЭ», 2000. – 304 с.) утверждается мысль не только о единстве генезиса науки и мифологии, но и показывается эвристическая перспективность моделей мифологического мышления (принципа троичности, образа мирового древа) для развития науки. В поздних работах философа и религиоведа М. Элиаде утверждается тезис о необходимости изменения отношения к архаическим формам образности, которая уже не просто выступает объектом внешнего изучения и осмысления, а должна вычитываться из глубин сознания современного человека, который может идентифицировать себя через фольклор и/или архаический миф.

М.А. Дударева, выстраивая свое диссертационное исследование на основании концепции тотальности фольклора и мифа, утверждаемой в трудах Е.М. Мелетинского, В.Н. Топорова, В.В. Иванова, С.М. Толстой,

исходит из положения фольклориста и литературоведа М. Ч. Ларионовой о том, что в русской словесной культуре *нефольклорных* авторов нет.¹ Выступая преемственным по отношению к мифу и ритуалу, фольклорный текст, понимаемый широко, включающий и фольклорное словесное творчество и обряд, структурирует мир по оппозициям, в первую очередь, устанавливая границу между своим и чужим, миром живых и миром мертвых, явью и навью, оставляя при этом возможность медиации оппозиций, взаимопроникновения противопоставленных миров и сущностей, тем самым в этом соприкосновении рецитируя обряд инициации (В.Я. Пропп), космогонический акт творения (А.К. Байбурин), создавая таким образом возможность для обновления и продолжения своего, посюстороннего мира и человека, как движущей энергии обновления этого мира. Безусловно, оппозиция живого и мертвого выступает онтологически определяющей для упорядочивания и утверждения мира живых. Соискатель подчеркивает, что «сегодня с развитием фольклористики, культурологии и литературоведения стало очевидно, что фольклоризм является еще и онтологической категорией, поскольку в холистическом мире фольклора *метафизика жизни и смерти*, начала и конца, выраженная в первую очередь в погребальной обрядности, является корневой» (дисс., с.7). Обращаясь к идентификации фольклорных истоков творчества русских писателей XIX — начала XX века, начиная со сказок А.С. Пушкина и заканчивая стихами и поэмами В.В. Маяковского, соискатель подчеркивает, что выявление фольклорных начал танатологического дискурса в произведениях избранного круга писателей и поэтов направлено не только и не столько на описание особенностей поэтики избранных произведений, сколько на установление онтологических основ концепции человека и мира в мировоззрении и творчестве А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, А.П. Чехова, И.А. Бунина,

---

¹ Ларионова М. Ч. Архетипическая парадигма: миф, сказка, обряд в русской литературе XIX века: дис. ... д-ра филол. наук. Таганрог, 2006. С. 280.

С.А. Есенина и В.В. Маяковского, причем, обращаясь к анализу танатологического дискурса в творчестве С.А. Есенина и В.В. Маяковского, соискатель стремится показать общность эстетических принципов и аксиологии избранных писателей и того художественного направления, яркими представителями которого поэты выступали – имажинизма, футуризма.

Актуальность диссертационного исследования М.А. Дударевой обусловлена, таким образом, стремлением вывести генеалогию русской литературы в широкое культурное пространство через определение особенностей интерпретации фольклорных смыслов в индивидуальном художественном творчестве, идентификация которых дает возможность «выявить через отношение писателей к народному творчеству их отношение к корневым вопросам бытия (жизни и смерти)» (дисс., с.13).

Научная новизна диссертации М.А. Дударевой «Танатология в русской литературе XIX — начала XX века: от фольклорных истоков к индивидуальному осмыслению» выступает продолжением и развитием ее актуальности. Соискатель не ограничивается регистрацией фольклорных истоков танатологического дискурса в творчестве отечественных писателей, ставя своей целью показать эйдологию смерти, топику «иноного царства» (дисс.,с.16), нашедшую выражение в манифестации фольклорных формул, выражающих идею танатоса, как системообразующую в художественной ткани произведения. Соискатель, обращаясь к обширному художественному материалу, конструирует танатологический комплекс фольклорных мотивов: обмирание и/или временная смерть, инициатический путь по пространству иноного мира, семиотические указатели «иноного царства» (непонятная речь и/или ее замены (смешки, зевки), искажение внешнего облика героев, отделение и обретение самостоятельного статуса отдельными частями человеческого тела (головы, руки), наличие чудесных предметов (шапки невидимки, кольца), превращения героя и/или появление у него зооморфных черт, преодоление

преграды (реки, леса), актуализация пространственного низа (грота, пещеры), поглощения чудовищем (рыбой). Соискатель показывает, как интерпретация танатологического комплекса в сказках А.С. Пушкина выступает средством определения ангажированности героя – Руслана, Людмилы, Гвидона; или же его неангажированности, несоответствия статусу – царь Дадон; как неспособность порогового героя прочесть знаки иного мира препятствует обретению им идентичности в романе М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» и неоконченной повести «Штосс»; как прохождение по пути инициации открывает новые возможности перед Егорушкой в повести А.П. Чехова «Степь»; как отказ от пути инициации, от временной смерти и воскресения в новом более совершенном качестве обесмысливает жизнь героев в рассказе И.А. Бунина «Чаша жизни»; как сублимация двойника способствует обретению целостности героя на пути к самому себе в поэме С.А. Есенина «Черный человек»; как самоутрата и поиски себя в гротескном космическом теле выражают концепцию человека нового времени в поэмах В.В. Маяковского. Соискатель при необходимости обращается к реконструкции прецедентных фольклорных текстов, определяя истоки гротескного космического тела, зооморфных образов в поэмах В.В. Маяковского, обращаясь к грузинскому фольклору, к образу космической рыбы. Научная новизна исследования определяется и комплексным сочетанием академических (сравнительно-исторический, биографический, историко-генетический, историко-функциональный) и инновационных методов исследования: соискатель, идентифицируя эстетические принципы писателей и поэтов, их отношение к фольклору, обращается к письмам, воспоминаниям и отзывам современников, к программным статьям и манифестам – работе С.А. Есенина «Ключи Марии», манифесту футуристов «Пощечина общественному вкусу», при этом, обращаясь к анализу поэтики произведений, выявляя фольклорные начала в танатологическом дискурсе, соискатель ориентируется на принципы

феноменолого-герменевтического подхода и концептуальные основы мифопоэтического раскодирования текста, лапидарно сформулированные В.В. Ивановым: «Всякий текст содержит в себе свою историю. Она может ожить в зависимости от его применения».²

Разработанный в диссертации методологический подход к идентификации фольклорных основ танатологического дискурса и его идеологической функции в творчестве избранных соискателем писателей определяет **теоретическую значимость исследования**. Соискатель, следуя комплексному подходу к определению мотивного фольклорного танатологического комплекса в произведениях писателей, представляющих разные школы и направления, разрабатывает новую концепцию феномена фольклоризма как явления онтологического, не только включая танатологический дискурс в более обширный культурно-философский контекст, но разрабатывая и применяя новую комплексную методологию идентификации и определения идеологического, мировоззренческого значения фольклоризма как основы не только художественного творчества, но и экзистенциального источника национального бытия. Комплексный методологический подход к идентификации фольклоризма как многоаспектного явления нашел выражение и в дифференцированном представлении теоретических источников исследования, которые разбиты на три блока: исследования в области фольклора и славянских древностей, разработки герменевтического подхода к художественным явлениям, работы по поэтике отдельных поэтов и писателей.

Особенности методологии исследования и разнообразный художественный материал, актуализированный соискателем, обусловили оригинальное построение диссертации М.А. Дударевой: соискатель не формирует самостоятельной теоретической главы, а распределяет

---

² Иванов В.В. О некоторых принципах современной науки и их приложении к семиотике малых (коротких) текстов // Этнолингвистика текста. Семиотика малых форм фольклора. – М., 1988. – 206 с. С.5-9. С.5.

теоретический материал по отдельным главам исследования, тем самым учитывая нетождественность художественных систем избранных писателей и необходимость актуализации разных принципов герменевтического подхода к разным художественным произведениям, избирая разные методологические доминанты: через полемический контекст в оценках современников по отношению к повестям А.П. Чехова, либо через самоидентификацию по отношению к фольклорной традиции в творчестве С.А. Есенина, либо через поиск фольклорных прототекстов по отношению к отдельным космическим образам в поэмах В.В. Маяковского. При этом особую смысловую нагрузку приобретает Введение, в котором соискатель формулирует методологические подходы и принципы исследования. Избранная соискателем методология определяет структуру диссертации, которая состоит из шести, относительно самостоятельных, но не изолированных глав, каждая из которых имеет введение, в котором представлена история вопроса и сформулированы основные теоретические основы исследования танатологического дискурса в избранных соискателем произведениях; разработанный соискателем путь анализа логично привел к тому, что каждая из глав завершается самостоятельными выводами. Подобная структура работы особым значением наделила не только Введение, но и Заключение, в котором представлены общие теоретические обобщения и выводы, не дублирующие заключения к главам.

Вопросы и замечания:

1. Вместе с тем, хотя, как подчеркивалось в отзыве ранее, логика применения методологического подхода обусловила нестандартное построение диссертации, и отсутствие теоретической главы компенсируется распределением теоретического материала по главам, посвященным анализу мотивного танатологического комплекса и его онтологического значения в отдельных произведениях избранных писателей, тем не менее, вызывает вопросы сам принцип селекции

произведений и избранный для анализа танатологического дискурса круг поэтов и писателей. Поскольку, соискатель исходит из принципа тотальности фольклоризма, а, следовательно, и фольклорного танатоса, имеющего категориальное значение в онтологии фольклора, в область исследовательских интересов, таким образом, мог попасть любой писатель и любое произведение. Именно поэтому круг избранных произведений и авторов нуждается в тщательном методологическом и теоретическом обосновании. Так, например, почему соискатель не обращается к повести А.С. Пушкина «Гробовщик», в которой танатологический комплекс представлен со всей очевидностью, к балладам М.Ю. Лермонтова «Тростник», «Воздушный корабль» (вольный перевод из Й.Х. фон Зейдлица), стихотворению «Морская царевна», поэме «Демон», повести В. Одоевского «Сильфида» или к повестям А.К. Толстого «Упырь» и «Семья вурдалаков»?

2. На с. 20 настоящей диссертации А.С. Пушкин и М.Ю. Лермонтов названы представителями романтизма. Это определение настолько идет вразрез с признанными в литературоведении концепциями творческой эволюции обоих писателей, что, безусловно, нуждается в обосновании.

3. В разделе пятой главы «Лиминальные состояния в поэме «Черный человек», равно как и в первой главе, приводя ссылки на ворожбу Татьяны в романе в стихах «Евгений Онегин» (с.39 и далее), соискатель, обращаясь к явлению двойника лирического героя в зеркале, не идентифицирует зеркало как семиотический указатель потустороннего. Между тем, комплекс гаданий и погребальных обрядов наделяет зеркало устойчивой мортальной семантикой, получившей наиболее полное описание в статье С.М. Толстой «Зеркало в традиционных славянских верованиях и обрядах» (Славянский и балканский фольклор: Верования. Текст. Ритуал. Сборник статей. М.: «Наука», 1994. – 267 с. – С. 111-130.) В этом контексте разбитое зеркало в конце поэмы прочитывается как предсказание скорой смерти, а появление в зеркале двойника, аккумулирующего все негативные

качества и черты лирического героя, – как удвоение смерти, а, следовательно, ее возможное повторение, а не как обретение лирическим героем целостности со своим двойником. Более того, зеркало в гаданиях играло роль окна, связывающего мир живых и мир мертвых, через зеркало открывался путь в мир смерти. Именно эта семантика зеркала закрепились в русской литературе, начиная с переводов «Леноры» Г. Бюргера П. Катениным и В. Жуковским, и написанной В. Жуковским в полемике с «Ленорой» балладе «Светлана».

4. Определяя семантический объем некоторых смертных атрибутов и танатологических мотивов, соискатель не учитывает их амбивалентный характер. Так, характеризуя коня как смертный символ в разделе «Поиски «иноного царства» в романе «Жизнь Арсеньева»» в главе четвертой, соискатель не учитывает солярную и небесную символику образа: огненную колесницу Гелиоса, коней Аполлона, небесную колесницу Ильи-пророка, сам диссертант приводит в следующей главе рассуждения С.А. Есенина о солярном знаке – коньке, венчающем скат крыши русской избы.

5. Обращаясь к лунарной и солярной символике атрибутов Людмилы в разделе «Эйдология «иноного царства» в поэме-сказке «Руслан и Людмила»» в первой главе диссертации и описывая путь Руслана как путь инициации, соискатель не учитывает возможность интерпретации солярных образов в контексте теории генезиса образа похищенной невесты через природный миф метаморфоз солнца, меняющего свой облик зимой и обновляющегося весной, который разработан А.Н. Афанасьевым и развит Е.М. Мелетинским, в котором, в свою очередь, возвращение невесты героем трактуется как выполнение свадебных испытаний, следующих за инициацией.

6. Описывая топику «иноного царства» и метаморфозы героя, проходящего путь инициации путем временной смерти и воскресения в новом, более совершенном качестве, соискатель принимает во внимание

только пространственную характеристику хронотопа «инога царства», не учитывая трансформацию времени, принципиальное тяготение фольклорного текста и обряда к повторению, цикличности, которое ведет в свою очередь к предперсональности героя, его ролевому характеру, представленному в концепции функций В.Я. Проппа. Таким образом, получает иное объяснение стремление к андрогинности героя поэм В.В. Маяковского, его устремленность в иное, новое время.

Однако приведенные замечания носят уточняющий характер и располагают к диалогу, не ставя под сомнение концепцию диссертации и **достоверность выводов** соискателя. Достоверность выводов М.А. Дударевой обеспечивается тщательным анализом поэтики избранных произведений, актуализацией широкого литературного, литературоведческого, философского и культурологического контекстов. Эрудиция соискателя, свободное владение теоретическим материалом, привлечение разнообразного фактического и художественного материала, сравнительно-исторические обобщения, направленные на актуализацию сходных мотивов: семантику образа каменной бабы, как маркера границы между мирами в повести А.П. Чехова «Степь» и поэме В. Хлебникова «Каменная баба», значение образа гротескного тела в поэмах М. Цветаевой и В. Маяковского, – демонстрируют высокую исследовательскую культуру соискателя. Единство методологических принципов и подходов позволило соискателю сделать выводы о единстве космо-психо-логоса, нашедшем отражение в фольклоре и органически воспринятом и художественно осмысленном в произведениях русских писателей XIX – начала XX века. Автореферат диссертации и 56 статей (необходимо отметить, что это уникальное число публикаций такого рода), опубликованных в рецензируемых журналах, включая 5 статей, входящих в международные базы цитирования Scopus / WOS, полно и разносторонне отражают содержание исследования.

Положения, выдвинутые М.А. Дударевой на защиту, цель и задачи

исследования, введение и заключение не противоречат друг другу. Работа в целом, ее основные результаты и выводы, полученные диссертантом, показывают, что исследование проведено самостоятельно, является логически завершенным, выполнено на высоком научном уровне. Все это даёт основание заключить, что диссертация М.А. Дударевой соответствует критериям, установленным в п. 9 действующего Положения о присуждении ученых степеней, а ее автор заслуживает присуждения ученой степени доктора филологических наук по специальности 5.9.1 – Русская литература и литературы народов Российской Федерации.

Официальный отзыв ведущей организации составлен доктором филологических наук, профессором, профессором кафедры русской и мировой литературы и технологий обучения ГБОУ ВО «Ставропольский государственный педагогический институт» Погребной Яной Всеволодовной, обсужден и утвержден на заседании кафедры русской и мировой литературы и технологий обучения ГБОУ ВО «Ставропольский государственный педагогический институт» 14 марта 2024 года, протокол № 8.

Заведующий кафедрой русской и мировой литературы и технологий обучения ГБОУ ВО СГПИ, доктор педагогических наук, профессор

Дворникова Е.И.

Подпись *Дворникова Е.И.*
Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Ставропольский государственный педагогический институт»
Степанова

ГБОУ ВО «Ставропольский государственный педагогический институт», 355029, Ставрополь, ул. Ленина 417 «А», sgpi@mosk.stavregion.ru mail@sspi.ru